

Литературный журнал любителей

Бульвар Зелёный

№8, август 2016 г.

Руководитель – **Виктор Власов**

Менеджер по работе с авторами – **Анастасия Орлова**

Общественный совет: **Александр Беспалый, Пётр Кузин**

Художники: **Анжелика Ермакова, Владислава Запенцовская, Екатерина Звягинцева, Анастасия Мышева, Анна Секерина**

Журнал издаётся на средства авторов.
Авторы предоставляемых материалов несут ответственность за их достоверность.
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением автора.
При перепечатке или использовании материалов ссылка на литературный журнал «Бульвар Зелёный» обязательна.

Рукописи, отзывы и предложения направлять по адресам:
yanataranchek@yandex.ru *(Анастасия Орлова),* **vicos@inbox.ru** *(Виктор Власов).*

Омск – 2016

Уважаемые читатели!

Приглашаем всех к изданию журнала.

Расчёт объёма текста для одной страницы:
- **за 1 колонку поэзии (50 стихотворных строк, 4–5-стопных, в более длинных строках возможен перенос) – 300 руб.,**
- **за 1 страницу прозы (4500 знаков с пробелами и заголовком) – 700 руб.**

Иллюстрация к произведению – 200 руб.

Каждому автору предоставляется бесплатно по одному экземпляру журнала. Дополнительные экземпляры «Бульвара Зелёного» можно приобрести у членов редколлегии.

Подписывайтесь на канал Виктора Власова в YouTube, смотрите видеоотчёты редколлегии, следите за новостями литературной жизни Омска, оставляйте отзывы и комментарии!

Наши партнёры

Информацию о журнале «Бульвар Зелёный» можно найти на сайтах:

CAMERA KUNSTA

Литературно-публицистический журнал «Клаузура»:

журнал К

Афиша информационного агентства «ПРОАРТИНФО»:

Creativity Artists PRO Poster Music ART Tour INFO Writers Concerts International Communication

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО ПРОАРТИНФО
WWW.PROARTINFO.RU

Содержание

Ольга Гончарова (Губернская) *(Ейск, Краснодарский край).*
Розовый карнавал ... 3
Осень-эмигрантка ... 4
Ирина Михайлова *(Москва). Новороссийск* ... 5
Денис Качуровский *(Омск). Пародия* ... 7
Василий Костриков *(Омск).*
«Бдительный» шофёр ... 8
Подарок от вора ... 10
Сергей Николаев *(с. Шостье Касимовского района, Рязанская область). Стихотворения* ... 11
Тамара Маркова *(Советск, Калининградская область). Стихотворения* ... 12
Яна Долинская *(Омск). Стихотворения* ... 15
Катя Иванова *(Троицк, Челябинская область).*
Улица. Столб. Фонарь ... 16
Незнакомка ... 16
Мама ... 17
Тёща ... 18
Александр Беспалый *(Омск). Старый стал* ... 19

Журнал "Бульвар Зелёный" принимает рекламу от заказчиков

© Коллектив авторов, тексты, иллюстрации, 2016
© «Полиграфический центр КАН», дизайн издания, 2016

Ольга Гончарова (Губернская)

(Ейск, Краснодарский край).

Ольга Вячеславовна Гончарова (Губернская). Преподаватель русского языка и литературы, логопед, писатель, член МГП. Публикации:
– лауреат II степени Международного творческого конкурса «Белая акация» в номинации «Авторское литературное слово» в категории «Профессиональное литературное слово», сентябрь, 2015 год; новелла «Хранитель тайны лазоревого цветка»;
– лауреат международного литературного конкурса семейных сказок «Как в сказке» ЗАО «Аргументы и факты – Петербург», декабрь 2015 год; рассказ «Венецианская дама»;
– литературный журнал «Новый ренессанс» 4/2015 МГП; рассказ «Первая скрипка»;
– литературный альманах «Созвучье муз» – 2016 МГП; рассказы «Ангел цвета мимозы», «Венецианская дама»;
– литературный журнал «Литературная столица», издательство «Спутник плюс»; эссе «Дева с волосами тона индейского лета»;
– литературный альманах «Спутник», издательство «Спутник плюс»; литературный очерк «Сага о Великанах»;
– научный альманах «Педагогика современности» – Чебакссары – 2015; рассказ «Первая скрипка»;
– Есенинский сборник «Отговорила роща золотая», издательство «Спутник плюс»; рассказ «Горошина»;
– «Петербургские семейные сказки», ЗАО «Аргументы и факты – Петербург», 2016 год; рассказ «Венецианская дама».

Розовый карнавал

Путевой очерк

Я никогда не любила розовый. Цвет несбывшейся мечты, разбившихся надежд, заблуждений. Да, заблуждений, правильно!

Два часа перелёта из Ростова-на-Дону в Римини, и долгожданная встреча с Адриатикой. Привлекательная скромность отеля «Franchina» с его постояльцами, съехавшимися буквально отовсюду: Америки, Голландии, Норвегии, Швейцарии,

Триптих Розовый карнавал, масло, холст, Олеся Кищенко, Россия

России. Международная команда летнего лагеря в сборе. Знакомства, беседы, первая прогулка по ночному городу. Огни уличных фонарей, ресторанчики и маленькие кафе, украшенные цветочными гирляндами и глянцевыми флажками, в чьём мерцании отыграли все оттенки розового, которых, оказывается, множество: от белого до алого. Розовый – это выбеленный красный. А, значит, для меня, русской, красивый. Розовый карнавал в Червии именно такой: летний, тёплый, незабываемый. Аромат цветущих повсюду магнолий, бледно-розовых, ярких, экзотичных. Обожаемый вкус малиновых шариков мороженого и вишнёвого бисквита. Пурпурная головка чертополоха на лужайке вблизи музея бабочек, порхающих в ажурном танце среди зала.

«Розовый фламинго – дитя заката» на моей сумке, как предвестник ветреной погоды. Свинцовые тучи над побережьем, стальная вода, серые капли дождя на окнах маленького двухъярусного катера, доплывшего до грандиозных конструкций метановых вышек. Итальянский берег пахнет рыбой, чьё белое мясо тает во рту, как пена волн за бортом, а мускатное вино согревает так же, как круговые пляски дружной и весёлой публики в ресторане.

Экскурсия в Равенну на лососевом автобусе, где белоснежные, лиловые квадратики винтажного стула-трона и старинного зеркала керамической лавки переливаются своим перламутром. Сиреневая нарядность русского костюма маленькой Матильды и чайные розы льняного сарафана старшей Ариадны. Разрисованные белые футболки участников международного сотворчества, соучениства, сопереживания, дружеские рукопожатья и объятья при расставании.

Плывите алые паруса по волнам одного берега Адриатического моря навстречу другому! Белый поезд до паломнического Бари, белый паром и уже черногорский берег.

Старый Ульцинь: белая церковь, белые мечети, пиратская архаика, албанские лавки, вот и туфли к моей сумке цвета старой розы. Вокруг заросли спелой ежевики, пышные розарии, гранатовая роща неподалёку, сочная дынная мякоть и бархат-

ность арбуза на десерт. В базарный день бордо оливкового масла с отваром зверобоя.

Вот и Скадарское озеро. Случайно собравшаяся команда русских, французов и сербов, плывущая в одной лодке. Сегодня ведь Казанская! Королевский красный островного монастыря, янтарно-розовые гроздья виноградников, благословенные горы и долины, морские бухты с коралловыми рифами, – край здоровья, международного согласия и примирения.

Я никогда не любила розовый. Цвет заблуждений, потому что сбывшейся мечты и добрых надежд.

По возвращении домой ярмарка мастеров-ювелиров, к моему новому розовому платью розовое ожерелье из бисера с множеством оттенков бусин. Розовый – теперь не только мой любимый цвет.

Осень-эмигрантка

Рассказ-воспоминание

Осень – запоздалый почтальон,
Груды листьев, словно груды писем.
Мне бросает в ноги, как укор,
Письма из моей, из прошлой жизни.

Поёт моя соотечественница Фаина Николас в русском романсе на сцене российского центра науки и культуры запавшие в душу стихи Светланы Ковалёвой:

– Нет, не согласна! Своё письмо с приглашением на международную пражскую конференцию и семинар я получила вовремя.

За окном родного Приазовья – «… бабье лето – время золотое… ». Собраны деловые бумаги и чемоданы, аэропорт и:

– Здравствуй, Прага! Я не в первый раз участвую в таком мероприятии, и не впервые встретилась с этим старинным и красивым городом.

Осенняя Прага также хороша, как и рождественская: яркость зелёных медных крыш и разноцветность домовых фасадов, прозрачность порогов Влтавы и стаи белоснежных лебедей, высокая голубизна неба, красная почва загородных угодий. Этот город по праву считают самым колоритным в Европе и мире. В эту пору Чехия выглядит совсем по-королевски.

На образовательном проекте собралась интересная публика – преподаватели и методисты – представители международного научного мира, поэтому он и называется «Дети мира». Несколько эмигрантских волн русских органично вписались в мировое сообщество. Русский язык стал неотъемлемой частью мировой культуры, на нём мыслят и общаются, его преподают и изучают. Русскую культуру постигают повсеместно. На пражских улицах по-русски отвечают многие прохожие, русских можно встретить везде: в библиотеках, театрах, на экскурсиях и т.д.

Золото повсюду: в блеске осветительных ламп учебных аудиторий Карлова университета, драгоценных бликах русских икон и золотой фольги картин, что привезли на выставку мои друзья – коллеги, волшебных звуках органа и скрипача-виртуоза костела Святого Ильи, позолоченных куполах национального музея и богатом убранстве огромного холла с его скульптурами. Золотые огни ночного города и пражского метро, опавшая листва палисадников тихой посольской улочки. Встречи, диалоги, обсуждения, договорённость о взаимопомощи и будущих проектах. Личное участие и особая оценка моей работы во Всероссийском конкурсе национальной премии «Золотой фонд Российского образования».

Осень, что так строго смотришь?
Знаю, подойдёшь и спросишь.
В чём же, твоё счастье, спросишь
В письмах, Осень, что ты мне приносишь.

Золотые пражские окрестности – эмигрантский город русских Карловы Вары с его роскошью отелей и целебностью источников, медовый солод пива «Крушовице», древняя история монастырей и храмов Кутной Горы, вершины рыцарского замка Штейнбергов. Возвращение домой…

Осень, милый друг мой, золотой,
Добрая, шальная интриганка.
В этой жизни славной и большой
Я всего лишь только эмигрантка.

Костел Святого Ильи, Прага, 2013 год

Ирина Михайлова
Москва

Ирина Евгеньевна Михайлова. Родилась в 1986 году в Люберцы (Московская область). Отец трудился литейщиком, мать – учитель немецкого языка. В 2009 году окончила Литературный институт им. М. Горького и семинар прозы советского писателя Александра Евсеевича Рекемчука. В 2009 году дипломная повесть «В сторону леса» была опубликована в альманахе «Пятью пять» («Пик», Москва, 2009 год). С 2010 года член Союза писателей Москвы. С 2011 года работает учителем русского языка и литературы в школе. С 2015 года занимается организацией литературного прозаического мероприятия. Живёт в Москве.

Новороссийск

Цикл рассказов «Чужая земля»

Едем несколько часов по жаркой пыльной однообразной дороге. Она тянется ровно, гладко – без серпантина, без резких поворотов, без крутых подъёмов. Не кажется страшной. Не захватывает дух от высоты и перепадов давления. Но как только машина проезжает Абинск, мы вдруг оказываемся не на дороге в четыре полосы, а на полуразбитой, с мелким гравием, от колёс уже превратившимся в пыль. «Гладильная доска» – как называют её местные. Машину начинает трясти и раскачивать. А когда колёса попадают в глубокие ямы – кажется, что мы вот-вот застрянем.

Мы въезжаем в полосу гор. С двух сторон нас начинают окружать широкие, растянувшиеся вдоль всей дороги, горы. То поднимающиеся, возвышающиеся над нами и над всей дорогой, то опускающиеся, словно прижимающиеся к земле.

– Ну, держись, – говорит мне водитель и отчего-то радуется той опасности, которая всегда встречается на таких перевалах. – Горы!

Он говорит о них с таким восторгом, так радостно, но одновременно ласково, любовно, словно о жене или дочке. Горы. И сразу представляешь сказку – как из горы выходит Медная Хозяйка и смеётся своим страшным зелёным смехом.

И правда – с двух сторон, как будто в подтверждение его слов, вырастают, словно из-под земли, горные хребты – огромные, массивные, неподвижные, кажущиеся великанами, стоящими на страже и охраняющими покой этих мест.

А человек – нарушитель этого покоя – невольно замедляет движение, пригибается под их тяжестью, озирается – и видит себя крохотным и ненужным. Они стоят и будут стоять, пока человек едет и будет ехать мимо. Скорее мимо! Скорее! Успеть проскочить, проскользнуть…

Дорога становится лучше, но движение уплотняется, словно и правда замедляясь. Скоро полдень – и машин всё больше и больше.

Мы едем из Краснодара. Таксист, которого я нашла там, согласился отвезти меня в Новороссийск за три тысячи рублей. И триста рублей на бензин. Это считается немного для этого времени. Самый разгар лета.

Камилл – так зовут моего водителя – немногословный, весь чёрный от природы и от южного солнца, немолодой, с редкими седыми волосами. Очень худой – одни кости. Но с жилистыми руками, сильными, сжимающими руль надёжно, словно он ездит по таким вот перевалам всю жизнь.

Машины начинают сигналить, пытаясь заставить друг друга ехать быстрее. И сразу видно – кто здесь первый раз.

– Ая-яй, – качает головой Камилл. – Горы такое не любят.

– Что не любят? – переспрашиваю я.

– Шум. Обвалы, – Камилл говорит об этом так обыденно, точно о дождях в августе.

Обвалы… Я поднимаю голову вверх – и вижу многолетние деревья на склонах гор. Что стоит этим горам в назидание обрушить несколько камней? Просто так. На голову человека. Те, кто ездит здесь давно, знают – ничего не стоит.

Некоторые машины ползут медленно, покоряясь этим высотам, не споря с ними, боясь, что не справятся с вызовом. Другие – напротив – пытаются проехать гористый путь быстрее, думая, что опасность здесь не в скорости, а в промедлении. Но те и другие начинают суетиться, путаться.

Но Камилл – в отличие от всех них – не суетится. Он едет уверенно, словно никого вокруг нет.

– Вы часто здесь бываете? – решаюсь спросить я.

Мы не сказали и трёх слов друг другу за всю поездку. Но сейчас, то ли от невольного страха, то ли от любопытства, мне хочется расспросить его о том, что он видел и знает.

– Бывало! – говорит он. – Люди часто едут. Меня нанимают – я и еду с ними.

– И не страшно?

Он смеётся.

– Чего бояться!

– Гор, – говорю я неуверенно.

– Гор? – он смеётся ещё больше. – Гор бояться не надо. Горы предсказуемы. Неподвижны. Людей бояться надо. У себя на родине я столько перевалов проехал! О! Сколько здесь и нет. Ты

думаешь, это горы? Это не горы. Вот едешь в Каи или Сагаду – вот это горы! Высота, – он взмахнул рукой вверх, показывая, какая там высота. – А обрыв, – он махнул рукой вниз, показывая, какой там обрыв. – Машины крутит, вязнут. Грязь. Никакого асфальта. А всё равно едешь – других дорог нет.

Машины едут всё медленней. До Новороссийска осталось сто километров. Проезжаем Крымск.

Почему-то здесь на протяжении всей дороге после каждого населённого пункта стоят большие белые каменные православные кресты с надписью: «Господи, сохрани и помилуй меня».

Камилл проезжает молча – на крест не смотрит.

– Авария была? – спрашиваю я, кивая на крест. – У нас кресты у дороги ставят, когда авария.

– Нет, – говорит, – нет аварии. Так просто стоят.

– А аварии часто?

– Бывает.

Он становится мрачным. Настроение у него как-то резко поменялось. Он долго молчит.

Машин всё прибавляется. Едем уже в плотном потоке, выстроившись друг за другом. Похоже, начинается пробка.

Полдень. Воздух неподвижен. Жар такой, что стоит открыть окно машины – как солнце начинает жечь и слепить глаза. Спасают только тёмные очки и кондиционер. Утренняя недолгая свежесть пропала – и стало душно, как будто перед грозой. Но это обманчиво – грозы и дождя раньше августа не будет. И духоту ничем не сбить.

Некоторые машины стали сворачивать на обочину. Люди выходят, достают минералку – и долго, не отрываясь, пьют нагретую, не освежающую воду.

Но мы продолжаем тащиться за всеми.

Иногда мне становится не по себе – молодая девчонка, только что окончившая институт – еду неизвестно куда и неизвестно зачем.

А он – пожилой мрачный кавказец – молчит и только иногда что-то бубнит себе под нос.

Он включает радио, но оно шипит, теряя волну.

– Похоже, надолго, – говорит он, кивая на дорогу.

Он открывает окно и высовывается на улицу. Жар сразу залетает в машину – и обдаёт июльским невыносимым зноем.

– До самого Новороссийска простоим.

Он закрывает окно – и вновь становится прохладно и хорошо.

– Вы здесь всю жизнь живёте? – спрашиваю я.

– Где? В Краснодаре? – он переспрашивает и на секунду оборачивается ко мне. Но тут же смотрит опять на дорогу – здесь нельзя отвлекаться. – Нет. Не всю.

– А где вы родились? – я вдруг смелею, так интересно стала его жизнь. Где ещё услышишь!

– Родился в Кизляре. У самого Терека аул был.

– В Кизляре? – переспрашиваю. – Это в какой стране?

– Это Дагестан. Я даргинец. Дагестанец, то есть. Там жил долго. Всю молодость почти. Жена там была. Умерла. Потом уехал в Ставрополь. Потом уже сюда.

– А почему вы уехали сюда?

– Жена тут, – сказал Камилл и замолчал.

Я тоже ничего не спрашиваю.

Я вспоминаю. Кизляр… И вдруг – как молния. Это же там в Чеченскую войны был теракт.

Чеченцы захватили роддом и больницу. Взяли заложников. Согнали туда людей из жилых домов. Заминировали здание и ждали. Не выходили на связь.

А через неделю ушли обратно в Чечню, прикрываясь людьми.

Кизляр. 1996 год. Ему было тогда лет сорок.

Бросает в жар.

– А кем вы работали в Кизляре?

– Доктором. Я рентген делал.

Доктором. Значит, в больнице. Может быть, в той самой?

– А сейчас работаете? – спрашиваю я и замираю. Вдруг расскажет.

– Сейчас, вон, кручу, – он смеётся, но совсем не искренне. Не весело.

Доктором… Может, он был там? Но он не сказал. А об этом не спрашивают. И я не спрашиваю.

– А жена тоже оттуда?

Я почему-то говорю – не из Кизляра, а «оттуда», как будто это какой-то страшный заражённый город.

– Нет. Жена из Краснодара. Она из тех, из казаков – русская, значит…

Едем еле-еле.

Камилл приоткрывает окошко. Пыль сразу покрывает салон – от обочины летят песок и мелкие камни.

С одной стороны дороги вдруг появились грузовые машины. Рядком, друг за другом.

Тёмно-зелёного цвета. Они не едут – просто стоят. А вокруг них – солдаты. Сидят, полулежат, болтают, смеются – молодые парни в военной форме.

Кто-то, голый по пояс, обливается водой из пятилитровой баклажки. Кто-то, намотав на голову белую тряпку, сидит прямо на земле, в тени от собственной машины. Кто-то ест из банки тушёнку, кидая на землю непонравившиеся кусочки мяса. Кто-то, открыв дверцу машины, спит, сидя на переднем кресле.

Один из парней в защитных штанах, высоких зашнурованных ботинках, без рубашки залез на крышу машины, стал махать оттуда и кричать.

Мы медленно проехали мимо этого солдата.

Рисунок Анастасии Мышевой

Рисунок Анастасии Мышевой

– Хороша мишень будет, – сказал Камилл и усмехнулся.

Холодок прошёл от его шутки.

Парень продолжал что-то кричать с крыши. А военные грузовики стояли уже по двум сторонам обочины, сузив дорогу, но никуда не двигаясь.

До самого Новороссийска, до въезда в город, стояли эти машины, полные молодых военных.

– Призывники, наверное, – говорю я.

Камилл ничего не ответил.

Мы приехали в Новороссийск в самый разгар дня. Я заплатила, как мы договорились. И Камилл, улыбаясь, попрощался со мной.

– Дом одна не бери, – сказал он напоследок. – Квартиру тоже не бери. Возьми небольшую комнату. Чтобы у бабушки или у женщины немолодой. Случаи разные бывают.

– Спасибо, – говорю я.

– Я тебе как отец говорю, послушай.

Я киваю ему – «спасибо».

Смотрю вслед. Он поехал обратно сквозь эти грузовики, эту жару, горы. В Краснодар. К своей русской жене – казачке.

«Как они живут, – думаю я, – как он обуздал её, казачку с Краснодара. Или так и не обуздал – и подчинился сам, даргинец из Кизляра».

Качаю головой.

«Случаи разные бывают. Про детей не спросила. А ведь есть. Иначе бы не сказал – как отец».

По его совету не стала искать квартиру или дом. Сняла комнату у немолодой грузинки. У самого берега.

Вечером пошла на море. Жара уже не такая страшная. Сильные ветра в Новороссийске не дают жаре надолго задержаться – выдувают её прочь.

Я замечаю – как на горизонте стоит корабль. Не прогулочный туристический корабль, на каких катают приезжающих, а военный корабль, охраняющий побережье. Готовый выйти в открытое море по первому же зову.

Корабль то появлялся вдали, то исчезал, если налетала волна и скрывала его от глаз. Но он был, не привиделся – стоял неподвижно, точно горы, охраняющие город по трём сторонам света.

Это мой первый день на юге. На чужой земле. Я ехала сюда сутки. Беспокойное Чёрное море шумит сейчас у самого берега.

Денис Качуровский

Омск

Графоман города Омска, безумный фантазёр, начинающий писатель.

ПАРОДИЯ НА ТРИПТИХ ИГОРЯ ФЕДОРОВСКОГО

Отступление от здравого смысла

Не стыдно мне, могу всё описать,
Я никого, поверьте, не обидел.
И строчкогонство в непристойном виде
Из пальца принимаюсь я сосать.

1. Нафантазированное

Мне снится сон, за окнами июль,
(Жара всю ночь, засушливое лето).
Снимаю музу на ночь, просто плюнь!
Любовь моя лежит со мной, раздета.

На белой простыне багровое пятно,
Пастель измята – девственность покрою,
Родишь мне много праведных сынов,
Мы станем многодетною семьёю.

К обеду позовёшь и я приду
Обнять твой стан и целовать фривольно,
Мне хочется доступных молодух
Использовать, что думать непристойно.

Как много муз, кто знает на перёд
И я проснулся, простыни марая,
Приснился сон, а совесть всё грызёт,
Язвит мозоль болячка кровяная.

С любимой буду счастлив в шалаше,
Смотреть на небо, не считая звёзды,
Поэты и художники в душе
Должны жить вольно и легко, и просто.

2. Заблудшая муза

О бабе второй размечтался блудник,
(Была ли там первая? Кто его знает?).
Он в девственность юной красотке проник,
Как в райские кущи распутных хозяек.

Не змей-искуситель задал ей вопрос,
Поймёт лишь слепой, осязая на ощупь,
Засунул в дыру любознательный нос,
Любезная леди, чем вас отчихвощу?

«Иссякло терпение, ласки хочу», –
Сказала ему и раздвинула ноги,
Он в руку зажал, расчехлив каланчу,
В припадке святом я засаживал многим.

Пускай от напора раздолбан диван,
Минута потуг и стекает блаженство,
Мой пест возбуждён и как солнце багрян,
На теле твоём я пишу совершенство!

Сказала она, чуть смущаясь: «Хочу»…
Встречала мужчин, но такого позора
Терпеть мочи нет, я себе щекочу
Промежность. Зачем мне любовь щелкопёра?

Но он говорил: на двоих брудершафт.
Мы били бокалы, как в дребезги, об пол,
В литоргии мы учинили разврат,
Потискал тебя и за грудь, и за попу.

Не ты ли срывала одежду с себя,
Танцуя стриптизы, скользя на пилоне?
Но муза сказала: совсем не любя,
Мне трахаешь мозг, ничего ты не понял.

3. Последняя схватка
Приходит наша пора – Весна!
Житуха у нас без судьбы.
Мозги иссушили спиртом до дна,
Как звать имена забыл.
Но чаша моя ещё не пуста,
Осадок на дне горчит.
Прошедших поступков обиды представь,
Смывает водяры литр.
Забыть навсегда и себя превозмочь,
Выдавливать голосом звук,
Метаться по людям и гнать страсти прочь,
Ища непонятный досуг.
Окрасить закат в фиолетовый тон,
На публику драть жадный рот.
Все музы идите в публичный притон,
Зевакам устраивать смотр.
Писаки, зеваки, одним словом, сброд
Облапают вас без стыда,
Продажные музы, вас хочет народ
Иметь просто так без труда.

Василий Костриков

Омск

Василий Семёнович Костриков (17 сентября 1929 – 12 июня 2007). Родился в хуторе Рябовка Волгоградской области в многодетной семье. В 1941 году 12-летним мальчишкой, когда его отец погиб на фронте, пошёл трудиться в колхоз, чтобы помочь матери воспитать остальных малолетних детей. Работал на металлургическом заводе в Волгограде. В конце 1954 года переехал в Омск. В 1971 году окончил университет марксизма-ленинизма при Омском областном отделении Союза журналистов СССР, получил высшее политическое образование в системе партийной учёбы. Писал рассказы, стихотворения, поэмы. Печатался в региональных периодических изданиях.

«Бдительный» шофёр

Цикл «Бродячие истории в народе»

Шофёр вёз песок на самосвале ЗИС-150 на строительство из карьера, который был за городом. Проехав несколько километров, он увидел на развилке дорог стоявший ГАЗ-51. Подъезжая к нему, шофёр самосвала увидел: два человека отдалившись от ГАЗ-51 и, поднимая руки вверх, делали сигнал остановки, идя навстречу.

«Случилось что-то», – подумал тот и, поравнявшись с ними, затормозил машину. По серьёзным и настороженным лицам незнакомцев он почувствовал что-то неладное, но промолчал, стал наблюдать за их поведением.

– Слушай, браток, выручи, пожалуйста, бензин кончился. Дай немного, заплатим.

Шофёр тут же взглянул на датчик-указатель, где стрелка показывала меньше полбака. И сказал:

– С ведро можно, больше не могу, самому не хватит.

– Слушай, – беспокойно обратился Коренастый к худому Рыжему. – Ведь нам ведра не хватит.

Рыжий незаметно толкнул товарища локтем и показал пальцем на язык: дескать, прикуси и, отвлекая внимание, сразу попросил у товарища спички, чтобы прикурить. А шофёр самосвала вы-

лез из кабины, достал шланг, засосал бензин и подставил ведро, чтобы его слить.

– Куда едете? – неожиданно спросил шофёр незнакомцев, вытаскивая шланг из горловины бензобака.

– В город, в Черёмушки, – почти разом ответили, не сговариваясь, товарищи.

– Это ваше дело, – не подавая виду, сказал шофёр самосвала, закрывая крышку бензобака.

– Постойте, батя, не торопитесь закрывать бак, мы ещё одно ведро возьмём, – предупредительно сказал Коренастый, посматривая на дорогу.

– Нет, хлопцы, для вас у меня бензина, сам буду стоять.

– Как нет? – процедил сквозь зубы парень. – А в баке что?

– Осталось только для меня, – ответил шофёр и открыл кабину.

– А-ну, стой, батя, – требовательно сказал Коренастый, показывая нож. – Видишь?

Шофёр молча захлопнул кабину и сел на крыло.

– Мало… – сказал подошедший с пустым ведром Рыжий и поставил его на то место, где оно стояло, когда наливали бензин.

– Прошу налить, – вежливо, но с ухмылочкой сказал шофёру Коренастый, показывая на ведёрко.

– Если надо, то возьмите шланг и наберите, – решительно отозвался тот, сидя на крыле.

– Значит, не хочешь? – процедили хулиганы сквозь зубы.

Коренастый, уставившись на шофёра холодными глазами, приблизился к нему.

– А-ну, не упрямься, наливай, – приказал тот и подтолкнул шофёра к ведру. – Ну, быстро, нам некогда!

Шофёр открыл крышку, вставил шланг и ещё засосал бензин. Когда второе ведро наполнилось, Коренастый сказал Рыжему:

– Отнеси, вылей и быстро принеси обратно ведро.

Тот покорно подхватил ведёрко и, скользнув колючим взглядом на шофёра, засеменил к автомобилю ГАЗ-51.

– Ну, и сволочи, – прошептал шофёр, глядя в глаза Коренастому с ножом в руках.

– Что, батя, обидели чем? Косо на нас смотришь?

– На вас не смотреть надо, а убивать…

– Молчать, старый хрен, – крикнул Коренастый и схватил того за ворот куртки, подтянул его к себе и прохрипел: – Не хочешь жить, так мы тебе сделаем, – и, оттолкнув в сторону шофёра, крикнул своему товарищу: – Рыжий, давай быстро ведро.

Рыжий бегом подскочил с ведёрком, выпалил:

– Вот оно, пожалуйста!

– Ставь и засасывай бензин. Ну, что стоишь? Быстро! – приказал Коренастый.

Рыжий ещё раз засосал бензин и направил шланг в ведро.

Рисунок Анастасии Мышевой

– Надо полтора-два литра. Понял? – приказал Коренастый и стал шаришь по карманам. – У тебя спички есть? – спросил он у Рыжего.

– Есть, – ответил тот и полез в карман.

– Давай спички и ведро, а сам быстро в машину, ясно?

– Ясно, – ответил Рыжий, не понимая, что собирается сделать его товарищ, передал ему спички.

– А теперь марш в машину! – скомандовал Коренастый товарищу, и схватил ведро с бензином, вылил его на шофёра стоявшего рядом, чиркнув спичкой.

Одежда вспыхнула и стала гореть синим огнём, обжигая тело шофёра автомобиля ЗИС-150. Убедившись, что ему не удастся потушить пламя, хулиганы, соучастники этого происшествия подбежали к ГАЗ-51, сели в него и, оглядываясь назад, покатили к городу.

Оставшись один, шофёр на минуту растерялся, потом быстро сбросил с себя горящую куртку и, превозмогая боль, бросился в свою машину, запустил мотор и включил механизм на подъём кузова, затем снова выскочил из машины и лёг под песок, который стал сыпаться из кузова. Пламя было погашено, но от сильных ожогов горело тело. Выбравшись из песка, шофёр сел в кабину.

– Ну, сволочи, держитесь! – выругался тот, выключив передачу, дал газ.

Самосвал шёл с такой скоростью, что стрелка спидометра перевалила за отметку 70.

«Лишь бы догнать», – думал шофёр, забывая про боль, прибавляя газ.

Вот впереди стал виден тот ГАЗ-51, который стоял на перекрёстке.

– Ну, ещё, дорогой, немного осталось, совсем чуть-чуть, не подведи, – шептал шофёр, думая о моторе. – Ведь ты у меня новый, надо догнать.

Голова кружилась, в глазах темнело. Тогда шофёр стал обгонять и прижимать ГАЗ-51 к кю-вету вместе с обидчиками. Ещё одно мгновение, и он повернул вправо баранку, что-то затрещало, засвистело, и автомобили так стукнулись друг об друга, что шофёр тут же потерял сознание. А когда пришёл в себя, поднял голову и увидел два разбитых автомобиля, милицию и тех хулиганов, которые его подожгли. Шофёр хотел было подняться, рассказать обо всём майору, но тот остановил его движением руки, сказав:

– Полежите, товарищ Петров, потом изложите всё по порядку.

Подарок от вора

Цикл «Бродячие истории в народе»

Юлия Васильевна Цветкова закончила работу и направилась домой. Она вышла с завода в первом часу ночи. В этот поздний час автобусы уже ходили редко; в это время проезжал только дежурный. Цветкова подошла к остановке и прождала свой автобус тридцать минут. «Толи их не будет?» – подумала она и направилась вдоль аллеи пешком.

Стоял сильный мороз, под ногами скрипел снег и от лёгкого дуновения ветерка обжигало лицо. Плохо освещённая, безлюдная аллея наводила на женщину страх. Цветкова, не оглядываясь, торопилась домой. Впереди виднелся сильно запущенный участок аллеи; деревья стояли в снегу, как в сказке.

Юлия Васильевна, поправляя ворот дохи, машинально обернулась назад и от неожиданности чуть не вскрикнула, её стал преследовать мужчина.

«Что делать, что делать? – зашептала она в страхе. – Бежать? Не убегу. Кричать? Никого нет кругом. Будь, что будет, – решила она, беря себя в руки. – Может, он пройдёт?».

– Куда торопимся, гражданочка? – поравнявшись с ней и заглядывая в лицо Цветковой, спросил мужчина.

– С работы домой, – стараясь не выдавать своего волнения, не останавливаясь, ответила женщина.

Тогда незнакомец грубо схватил Цветкову за рукав и развернул под сто восемьдесят градусов, просипел:

– А-ну, стой, разговор есть!

Женщина отдёрнула руку и уверенно сделала шаг вперёд. Мужчина снова схватил Цветкову за руку, но теперь уже выше локтя, сильно стискивая её, рванул на себя. Она потеряла равновесие и грудью ударилась о грудь незнакомца.

– А-ну, стой, кому говорят? – повторил бандит и высунул из своего рукава лезвие ножа, показал женщине, добавил: – Вот, видишь? Если крикнешь, убью!

Юлия Васильевна молча, испуганно посмотрела на мужчину и тихо спросила:

– Что вы от меня хотите?

– Вот это, – бросил незнакомец, дёргая за доху. – Снимай!

Цветкова стояла рядом не в силах произнести и слова.

– Ну, я жду, требовательно повторил он, – показывая из рукава нож.

Взглянув на лезвие, женщина, задыхаясь от волнения, взмолилась:

– Отпусти меня, я беременна, боюсь простудиться, жду ребёнка. Отпусти!

– Снимай, говорю! – громко повторил грабитель, оглядываясь по сторонам, и небрежно дёргая Цветкову за ворот.

Рисунок Анжелики Ермаковой

Юлия Васильевна покорно, но нехотя стала расстёгивать пуговицы дохи. И в это время грабитель заметил идущего человека им на встречу. Он быстро взял свою жертву под руку и, увлекая её за собой, предупредил: – Крикнешь, убью!

Женщина, ничего не соображая, шла рядом, всматриваясь в приближающуюся фигуру. Вдруг ей показалось, что идёт её муж.

«Что будет, что будет?» – повторяя, подумала она и стала освобождать свою руку.

– Тихо! – грубо толкнув локтем Цветкову в бок, предупредил мужчина, не сводя глаз с приближающейся фигуры.

– Ну, точно он, муж, – прошептала Юлия Васильевна. И взглянув на грабителя, добавила: – Муж идёт, встречает меня.

– Муж?! – настороженно и недоверчиво протянул грабитель. – Тогда познакомь меня с ним.

Услышав эти слова, та вообще расстроилась. Ей не давала покоя мысль: «Сейчас подойдём, муж спросит: «Кто он?». Ничего не подозревая, заговорит со мной или с ним, а в это время он, грабитель, пырнёт его ножом и убьёт. Нет, нет, это невозможно», – тихо проговорила она и в нерешительности остановилась.

– Брось дурить! – снова предупредил грабитель и, поняв её растерянность, решил первым заговорить о погоде, чтобы разрядить обстановку. – Да-а-а, в эти дни стоят сильные морозы, но вчера передавали по радио, будто ожидается потепление.

– Да, я тоже слышала об этом, – машинально подтвердила женщина, стараясь не выдавать своего волнения.

– Ни будто, а точно! – сказал муж, уже подходя к своей жене. – Я сам слышал прогноз, передавало местное радио. Завтра, будет не 32 градуса, а 25 градусов.

– Это хорошо, коли так, – улыбаясь супругу, ответила женщина. – А то совсем коченеем.

– Ох, Юля, тебе ли жаловаться на холод?.. Ишь, в какой шубе ходишь, поди не чувствуешь его совсем, – безобидно сказал муж и, взглянув на мужчину стоявшего рядом, добавил: – Были бы мы в таких шубах, для нас и мороз был бы нипочём, верно?

– Конечно, – ответил грабитель. – Женщины всегда первыми мёрзнут.

– Вот и не правда! – возразила Юлия, и, посмотрев на грабителя, осеклась, но оттолкнув неприятное предчувствие, снова заговорила непринуждённо и сквозь смех. – Мёрзнем мы все одинаково, только вы, мужчины, сразу не признаётесь, а мы, женщины, когда начинаем мёрзнуть, заявляем вам об этом первыми.

– Юля, извини меня, но ты стала не внимательной.

– В чём дело?

– Ну, как в чём дело? – возразил муж. – Сколько говорим, а ты нас так и не познакомила.

– А, да… – Цветкова только хотела было познакомить мужчин, но не успела.

В это время грабитель первый протянул руку и отрекомендовался:

– Лев Васильевич Уколов.

– Пётр Николаевич Цветков.

– Очень приятно! – улыбаясь, ответил грабитель и посмотрел на женщину, добавил: – Мы вместе с Юлией работаем.

– Понимаете, Лев Васильевич, она от меня всё скрывала, что вы работаете вместе, – посматривая на жену, в шутку сказал муж.

– Нет, Петя, я как раз сегодня хотела тебе об этом рассказать.

– Ну, ничего, Пётр Николаевич, – вмешался в разговор грабитель, – я вам теперь сам всё поведаю.

– Хорошо, пожалуйста, – произнёс Цветков, и пригласил нового знакомого к себе на квартиру.

«Что он делает? О, Господи, вот выдумал», – прошептала жена, втягивая голову в плечи.

– Юля, что с тобой? О чём бормочешь? – спросил муж и осёкся. – Ах, да, тебе холодно. Всё-всё, идём домой, – произнёс тот и, взяв жену с правой стороны под руку, все вместе направились домой.

Женщина молча шагала между мужчин и почти не слышала их разговора. Ей очень не хотелось вести бандита к себе на квартиру, но сказать об этом мужу она не могла. Цветкова, не находя спасительных слов, думала, переживая: «Ограбит, убьёт»…

Зашли в комнату, разделись, продолжая оживлённо вести разговор. Хозяин квартиры и бандит сели к столу. Грабитель чувствовал себя спокойно, и ничего не выдавало его поведение за другое лицо. Только в разговоре он незаметно бросал косые взгляды по сторонам, как бы изучая обстановку комнаты.

– Юля, ты приготовь нам что-нибудь закусить, – распорядился Цветков, и не оставляя одного гостя, сказал: – Ждём ребёнка, тяжело ей, извини, пожалуйста, надо помочь.

Бандит, усмехнувшись, ласково взглянул на Цветкова и сказал:

– Вы зря заботитесь, Пётр Николаевич, я сейчас пойду. Это уж просто так зашёл к вам, раз встретился и познакомился.

– Ну, ничего, раз зашли, значит, немного надо задержаться. Кстати, Лев Васильевич, у вас жена есть?

– Была, Пётр Николаевич, разошлись, второй год не живём. Плохо одному, скучно, думаю, что к маю жениться надо.

– Надо, – подтвердил Цветков, – а то и жизнь не интересна. Сколько вам лет?

– Двадцать семь, – ответил грабитель, прикуривая. – Время, время… Да, Пётр Николаевич, я и сам понимаю, что надо. Вот и присматриваюсь пока, боюсь, как бы снова не остаться одному.

– Да-а-а, – протянул сочувственно Цветков. – Оно ведь всякое бывает, жизни шаблона не сделаешь, у неё свои законы.

Продолжение следует

Сергей Николаев

С. Шостье Касимовского района, Рязанская область

Сергей Николаевич Николаев. Родился в 1968 году в селе Шостье Касимовского района (Рязанская область).

Март

Март, весна и солнце светит.
Дружной стайкой воробьи
Мне чирикают в привете,
Дорогие вы мои…

Рад и я весне-красаве,
Рад подснежникам, грачам.
Веселюсь я вместе с вами
И пишу по всем ночам.

Всё о родине, о доме,
О берёзках, о тебе,
О друзьях своих, знакомых,
О разлучнице судьбе.

Я хочу сказать о многом,
Но боюсь я закричать.
Сердце чуткое с тревогой
Просит малость подождать.

Слишком много было горя
За прошедший этот год.
Боль моя разлилась морем,
Оборвав души полёт.

Потому боюсь тревожить
Счастья робкого весну.
Я хочу его умножить,
С вами я, когда усну…

Рисунок Анастасии Мышевой

Не встречал я прекрасней, чем ты

Не встречал я прекрасней, чем ты,
Край мой добрый в зелёных лесах.
Расцвели белым цветом сады,
Словно дымка в уставших глазах.

Будто нежность над нашей Окой
Растеряла свою белизну.
Не встречал чистоты я такой –
Милой сердцу навек моему.

Край весенней красою одет,
Нарядился, поёт соловьём.
И, забывшись, по сколько нам лет,
По ночам мы гуляем вдвоём.

Молодит нас с тобою весна,
На висках цвет черёмух лежит,
Нам любовь продлевает она,
Ах, как жизнь слишком быстро бежит…

Тамара Маркова

Советск, Калининградская область

Тамара Владимировна Маркова. Лауреат международной премии «Филантроп», член Союза писателей, член Международного союза писателей.

Я не поэт. И даже не писатель,
Но что-то движет помыслом души.
Скорее, для себя – я врачеватель,
Тем и спасаюсь вечером в тиши.

О звёздах, о любви, о милых глазках,
О том, что жизнь до боли хороша.
Сказать о поцелуях, нежных ласках,
И о природе чиркнуть не спеша.

Я не поэт. Я не сорю словами,
Они приходят сами, словно дым,
Но, может, с искры разгорится пламя,
И стану я поэтом неплохим.

Рисунок Владиславы Запенцовской

Нелюбимая

Жизнь медленная шла
со сломанной стрелой.
Я не горела. Нет! Я тихо умирала.
Кружилась голова несбывшейся мечтой,
А осень рыжая безумно хохотала.
Амур нечаянно задел не тот объект,
И потекли года, проскальзывая мимо.
Несостоятелен был, видимо, проект,
Да сверху листопад
за мной следил незримо.
Мой пламенный герой не знает про игру,
Безоблачно вперёд мечта его шагает.
Хочу кричать любви
на шквалистом ветру
Про счастье тихое,
Но боль меня пронзает.
Мне сильных не познать объятий его рук,
Я никого вокруг от слёз не замечаю.
Жизнь медленно идёт, не делая потуг,
А мой герой с другой.
О, как же я страдаю!
Обидно, что судьбу предвидеть не дано.
Горит костёр в ночи,
грустит в шатре цыганка.
А мысли в голове твердят всегда одно:
Ведь без любви прожить
не может и поганка…
Жизнь медленно идёт довольная собой,
Но не было любви.
Стрела не там упала.
Несправедливая насмешка над судьбой.
Я не горела. Нет!
Я тихо умирала.

С утра пуржит метельный день,
В лицо хлестает стужей,
А человек присел на пень,
Ему никто не нужен.
Не видит ничего вокруг,
И тяжесть на душе:
Его оставил лучший друг,
В любви одно клише.
Он одинок. Душа больна.
И кто бы мог помочь?
Вокруг лишь белая стена –
Летят сигналы прочь.
Но если встретишь ты в пути
Кому нужна рука,
Прими скорей сигнал беды,
Надежды дай глотка.

Когда мой дух
вновь приобрёл свободу
Из плена тяжких дум и от тоски,
Расцвечиваться мир стал по-иному,
И в том числе, так нужные стихи.

Я бьюсь над словом –
дождь стучит в окошко.
Ищу сравненье, а в саду цветы
Красивы очень. И мурлычет кошка.
И звонко рвут коленца соловьи.
Мой дух свободен в мире ярких красок,
Там нет измен, ненужной суеты,
Там лишь любовь
И много добрых сказок.
А где любовь – там счастье, я и ты.

Рисунок
Анны Секериной

Сонет

Иной раз думаешь: за что же
Так жизнь наказывает нас?
И бьёт то в профиль, то в анфас,
Судьбу по полочкам итожа?

Пройдя страстей ненужных бури,
Разочаровываясь вновь,
Не веря в вечную любовь,
Устанешь мучиться в натуре.

Вдруг понимаешь, что в итоге
Потерян жизни идеал.
Пока любил, пока страдал.
Итог – один ты на дороге.

Судьбы покорно тянем нить,
Её ничем не изменить.

Дождь в окошко барабанит
Веточкой рябиновой.
И тоской меня дурманит,
Как закат малиновый.

Прошуршит и перестанет
Под моим окном рыдать,
И тихонько в землю канет,
Перестанет слёзы гнать.

Но сегодня грустный дождик
Заглянул на огонёк.
Он не брал с собою зонтик
И до ниточки промок.

Я чайку ему поставлю,
Вспомним славные деньки,
В русло разговор направлю –
В речке сгинут ручейки.

Но грустили мы напрасно,
Жизнь мудра и хороша.
Утром выйдет солнце красно,
Отогреется душа.

Плач безработного

Не ругайся, батька; не бранись, мать,
Самому несладко годы прожигать.
Я свободен нынче, словно соловей,
Только не поётся мне среди ветвей.
Хаживал немало по земле родной,
Сердце увидало горе над страной.
Фабрики, заводы проданы давно,
Молодые годы катятся на дно.
Окон нет и крыши, в хате нет дверей,
Только ветер свищет по судьбе моей.
Где моя работа? Где моё жильё?
Где моя зарплата? Ах, ты, ё-моё!
Развалилась напрочь мощная страна,
С корабля на Запад тащится крысня.
Ваучер мне дали, с Волгой – Мерседес,
Тут же отобрали, не помог Собес.
Мне жениться, батька, ну, никак нельзя.
Как потом смотреть мне в милые глаза?
И о детках, мама, рано говорить,
Не смогу сегодня я их прокормить.
Выйду на дорогу – нет пути назад,
Помолюсь я богу да найду девчат.
Мы в бордель гурьбою ввалимся чуть свет,
Анашой прикроем божеский завет.
А наступит вечер, приползу домой,
Припаду на плечи одинокий, злой.
Суд судьбы вершится где-то в небесах,
Будущее снится только в страшных снах.
С именем народа нищета ползёт,
Сладкая свобода к грабежу ведёт.
Разве так хотели жить в свободе мы?
Стали же на деле мы темнее тьмы…
Не ругайся, батька; не бранись, мать,
Самому несладко годы прожигать.

Разделась. Голая стоит
Судьба моя крутая.
Грудями томно шевелит,
К интиму приглашая.
Ну, что за безобразный вид
И жуткие кривлянья?
Бесстыже на меня глядит –
Прими же подаянье!
Как мало надо для греха –
Я не сопротивляюсь,
Стою, покорна и тиха –
С судьбой своей сливаюсь.
Не лесбиянки. Кто ж тогда?
Нам дела нет до лома.
Пусть нас оставит суета –
Мы заняты. Вне дома.

Как часто слышу я, скорбя:
Начни скорей менять себя,
И жизнь покатится красиво,
И не увидишь негатива.

Начать с себя, конечно, можно
И даже нужно иногда,
В душе копаясь осторожно,
О милосердии твердя.

Но что с того, коль станешь лучше –
Никем непонятым вокруг?
Закон к тому же вездесущий
Не охраняет твой досуг.

Живя по божеским канонам,
Среди зверья один, как перст,
Не легче будет по законам
Тащить свой непомерный крест.

Начать с себя совсем не сложно.
Не обличая всех подряд,
Настроить душу осторожно
На новый позитивный лад.

Но легче всё-таки не станет,
Народ – единая семья.
Глава семьи законы правит,
Каков закон, таков и я.

А значит, дело не во мне,
И не в моей больной стране.
Закон главы семьи, что дышло:
Куда повернул, туда и вышло.

Рисунок Анастасии Мышевой

Засияла звёздочка
Из-под облаков,
Тихо дремлет лодочка
Между берегов.
Под ракитой девушка
Косы расплела,
Юною русалочкой
В реченьку вошла.
Тут и месяц выглянул,
Деву увидал,
Лихо рожки вывернул –
Маленький нахал.
Растолкал он облачко,
Речку осветил,
Золотую звёздочку
Деве подарил.
И она, счастливая,
Вышла из воды,
Самая красивая
Девушка мечты.
Спрятавшись за ветками,
Паренёк застыл,
С месяцем-соперником
Нет тягаться сил.
Но нашла красавица
Милого дружка,
От обиды месяца
Скрыли облака.
Прошептала лапушка:
– Я тебя ждала!
До утра по реченьке
Лодочка плыла.

Не с той ноги

А я сегодня встал не с той ноги.
И солнца нет, и полумрак в квартире,
И что бушует в нашем хрупком мире
Расскажут непредвзятые враги.
Исчезли разом солнечные дни,
По окнам дождь стучится мелкой дрожью.
Мы привыкаем жить с отменной ложью
Сознанью и рассудку вопреки.
Тяжёлый полумрак на душу лёг.
Пронзает одиночество несмело,
Но «Нескафе» на плитке закипело
И весело запел мой камелёк.
Всё будет в нашем мире хорошо,
И как бы там ни пыжилась Европа,
Но не с руки и ей скакать галопом
По сцене, скажем прямо, голышом.
Да что Европа? В Киеве майдан
Нацелен против русского народа.
Там не найти для отдыха урода,
Желающего уехать в Магадан.
А, зря, конечно! Замолить грехи
Послал бы их подальше Магадана,
Чтоб польского во мне не злили пана,
И я всегда вставал бы с той ноги!

Я помню детства уголок –
Там бархатный сезон.
И море ласково у ног
Нашёптывает сон.
Волна, отхлынув налегке,
Дала даров морских.
Ходила я невдалеке
И собирала их.
Ракушки, положив в карман,
Несла к себе домой.

Хранила словно талисман,
В шкатулке золотой.
Цвели магнолия, жасмин,
Дурманил аромат,
Кричал диковинный павлин,
Был хвост его богат…
Я помню детства уголок.
Хотя прошли года,
Но, кажется, зовёт рожок
Меня опять туда.

Яна Долинская

Омск

Математика жизни

Математика жизни,
Математика слов,
Математика мысли
И всех прочих основ.

Теоремы влечений,
Доказательства зла,
И рассчитаны верно
Алгоритмы добра.

Разделили, сложили –
Вероятность судьбы,
Но случайно забыли
Аксиому Любви.

Флейта

Одинокая флейта звучит пастуха –
Зазывает.
Звук в молочном тумане разлился, повис –
Замирает.
Заплелась на лугу, поникла трава –
Замерзает.
Иней. Осени поздней не жаль серебра –
Осыпает.
Одинокое блюдце холодной воды –
Укачает.
Лёгкой лодкой свободная флейта плывёт –
Исчезает.

Рисунок Анастасии Мышевой

Саломея

Эти нежные хрупкие белые руки,
Эти тонкие, в золоте, звонкие пястья,
Это ивовой веткой гибкое тело
Кружит в древнем мистическом бешеном танце.

Эти волосы – волны моря ночного,
Не укроют бесстыдные груди-бутоны.
Эти ступни не больше детской ладони
Никогда не устанут под струн переборы.

Но в глазах отражается холод металла,
И решает по прихоти жизни и судьбы.
И кровавый подарок получит. Устало
Осквернит поцелуем мёртвые губы.

Perola barroca

Ах, Боже мой! Какие дни
Всепоглощающего лета!
Какие дивные цветы
В барокко солнцем разогреты!

И моря соль; и моря ширь,
И бесконечное пространство,
Небес пустующая синь –
Не нарушаемое царство.

Волна ласкает смуглость стоп,
И волосы целует ветер…
И где он Твой, и где он Тот?
Всё любящий в тебе свидетель.

Катя Иванова

Троицк, Челябинская область

Екатерина Николаевна Заяц. Родилась в 1962 году. Выросла и окончила школу в Казахстане (Кустанайская область, село Тарановское). Более 30 лет живёт в Троицке (Челябинская область). Образование высшее: Троицкий Ветеринарный институт. Замужем. Имеет двух взрослых дочерей и троих внуков. В апреле 2014 года начала писать первые романы о любви. На данный момент у неё в России вышли сборники: «Любовные романы», «Романы о любви, детективы, мистика», «Прошла любовь», «Восточный аромат мужчины» – для взрослых; сборник сказок «Что такое счастье?» и рассказ «Детство» – для детей. В 2015 году в Чехии вышли в свет три книги Екатерины – романы о любви. Публикует свои работы на многих сайтах. Пробует писать стихотворения о любви. Публиковалась в журналах: «Бульвар

Зелёный», «Российский колокол», «Спутник», «Три желания», «Чешская звезда». Увлекается комнатными цветами, вышивкой нитками и бисером. Любит фотографировать природу, свои работы выставляет на тематических сайтах. Сейчас у Екатерины появилось новое увлечение: по видеороликам из Интернета она учится писать маслом и акрилом на холсте.

Улица. Столб. Фонарь

– Дорогой, я уже иду! – заплетавшимся языком шептала ещё молодая пенсионерка Клавдия в трубку смартфона, переминаясь с ноги на ногу возле столба уличного фонаря.

– Ты где шляешься? Уже час ночи! – чуть ли не на всю улицу кричал из трубки мужской голос.

– Да, дома я! Мы с подругами в кафе восьмое марта отмечали. Девичник у нас был…

– Какое восьмое марта? Сегодня второе число! С какими девчатами? Быстро иди домой!

– Так я уже дома… Стою у ворот коттеджа…

– Так заходи, что там стоишь? Наклюкалась? Ключи «посеяла?». Как ты добралась? – гневно спрашивал мужчина из трубки.

– На такси… Свою машину я оставила на стоянке возле кафе… Завтра заберёшь.

– Что стоишь? Заходи, горе луковое!

– Спустись, забери меня.

– Откуда забрать?

– Откуда, откуда?.. От нашего фонаря. Он меня держит.

– Ты пьяная? Совсем не соображаешь, что говоришь?

– Трезвая я… Так, немного не трезвая, – заплетавшимся языком говорила хозяйка дома. – Фонарь меня держит. Я хожу вокруг него, оторваться не могу.

Мужчина спустился со второго этажа коттеджа, накинул куртку и вышел за ворота участка. Жена стояла и держалась за железный столб фонаря, что находился неподалёку от их дома, и громко, возмущённо ругалась: «Отпусти меня! Зачем я тебе нужна? Не держи, меня дома муж ждёт!».

– Ну, иди ко мне, – громко прикрикнул муж, слегка подхихикивая и держась за живот.

– Я не могу, он меня держит, – женщина старалась отойти от «холодного монстра», но не могла сделать и шага в сторону, она будто прилипла к столбу.

Подходя мужчина увидел, что под крутым куражом его жена лыка не вяжет, обмоталась своим длинным шарфом вокруг столба, обняла его, и стоит, широко расставив ноги в сапогах на шпильке.

– Как ты могла так сделать? – улыбаясь, удивился мужчина.

– Не знаю… Машина подъехала к фонарю, я вышла из такси и придержалась за него, чтобы не упасть… Скользко же, – обидчиво жаловалась женщина мужу.

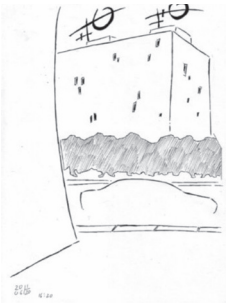

Рисунок Анны Секериной

– Ну, ты, мать, даёшь? Кому расскажешь – не поверят, что можно себя так крепко к фонарю привязать. Сейчас попробую тебя из этого плена вызволить.

Провозившись минут пятнадцать, и вспомнив все нехорошие слова из своего лексикона, муж водил свою нетрезвую жену вокруг фонаря, только в обратную сторону, чтобы освободить её из полона. Весь вспотевший, замёрзший, уставший, он произнёс: «Завтра же всё детям и внукам расскажу. Как их мать и бабушка наклюкалась в кафе с подругами и привязала себя к фонарному столбу. Вот тогда живой анекдот будет!».

Незнакомка

Михаил Степанович, шестидесятипятилетний моложавый мужчина, в больших круглых очках с позолоченной оправой, сидел в автобусе и читал свежий номер региональной прессы. Ему нужно было проехать остановок пять-шесть, вот и решил он зря время не терять, быть в курсе всех новостей.

Автобус качнуло. Остановка. Подняв глаза, он увидел, что напротив него присела небольшого роста миниатюрная немолодая женщина. У неё были малинового цвета высокие сапоги, ярко-красное пальто. Взгляд мужчины скользнул вверх, и он увидел, что губная помада у женщины такого же цвета, как и пальто.

«Да-а-а, – подумал он, – такая яркая, вызывающая помада не для её возраста, вульгарно смотрится. И от своих мыслей он ухмыльнулся.

Затем пристальный взгляд мужчины пошёл ещё вверх. Остановился он на её больших карих глазах. Мужчина тут же обомлел, замер на месте. Он никогда не видел таких выразительных, глубоких, озорных, искрящихся и юных глаз. Они излучали счастье, радость и любовь одновременно. Внимательно поглядывая, мужчина тонул и растворялся в них. Чуть заметная улыбка коснулась уголков пухлых губ женщины. Она открыла томик стихов и опустила глаза…

В тот момент мужской душе мелодично запели о любви тысячи голосов, во всём теле Михаил Степанович ощутил волнение. Проснувшиеся желание было властным, сладострастным, сексуальным. Такие чувства он давно не испытывал к своей жене и к женщинам вообще. Мужчина думал, что они угасли, исчерпались, покинули его.

Истосковавшись по нежным женским прикосновениям, по телу мужчины побежали мелкие мурашки, тепло разлилось многочисленными тонкими змейками. Они заползали во все сокровенные места и наполняли его тело жаром, вожделением. Его миловидное лицо покрылось чуть заметными розовыми пятнами, пульс учащённо забился, стёкла очков запотели и мужчина подумал: «Какие глаза! Бездна! Нырнул бы в неё!». В эту секунду тело мужчины дёрнулось, как будто прошёл разряд тока.

«Такую женщину редко встретишь, а если бы я встретил её лет так тридцать-сорок назад – ни за что не отпустил бы. Всю жизнь тонул, растворялся в её глазах. Всю жизнь носил бы на руках, любил, лелеял и баловал. А что теперь? Жизнь прошла, дома ждут жена, дети, внуки», – уныло подумал мужчина, не отводя взгляд от лица незнакомки, стараясь запомнить каждую деталь: её морщинку, родинку, изгиб… ».

Рисунок Екатерины Звягинцевой

Автобус резко затормозил. Снова остановка. Женщина решительно встала, положила книгу в сумочку и быстро прошла к двери.

«Не исчезай, оставь хоть свой образ в памяти моей. Я буду долго вспоминать тебя, твои глаза... Прошла, как сон, как утренний туман», – подумал Михаил Степанович, протирая стёкла очков носовым платком.

Мама

Цикл «Одиночество немолодых людей»

– Горько! Горько! – слышались голоса из деревенского дома.

Семидесятишестилетняя Прасковья, худощавая и вёрткая старушка, обметая валенки от снега самодельным веником на крыльце дома дочери, услышала разные голоса людей: «Горько! Целуй её в засос… Дольше, дольше».

«Телевизор так громко орёт, – подумала старушка. – Как она не оглохла от такого крика?». Пройдя в большую прихожую комнату, гостья застыла на месте. В доме было полно односельчан. Они сидели за накрытым едой и самогоном столом. Её пятидесятилетняя дочь Лариска, нацепив венок из белых искусственных цветов, сидела будто молодая невеста рядом с недавно прибывшим в их деревню молодым раздолбаем Васькой, и целовалась.

– Ты что это учудила? – тут же громко и строго спросила мать. Этим вопросом она и удивила всех гостей, а также своим неожиданным появлением. Глаза всех гостей внимательно посмотрели на вошедшую сварливую старушку; гости застыли со стаканами спиртного.

– Что, что? Замуж выхожу… Официально, – так же громко ответила дочь в мгновенно возникшую тишину. – Василий решил оформить со мной отношения. Теперь он мой законный муж, – радостно сообщила матери счастливая жена.

– Сдурела, баба! Он же на пятнадцать лет младше тебя! – удивляясь, возразила мать.

– Ну, и что? – выходя из-за стола и направляясь к матери, оправдывалась Лариска.

– Да ему твой дом и твоё богатство нужно! – громко заголосила незваная гостья.

– Мама, вы что такое говорите! – кричал из-за стола Васька. – Я люблю вашу дочь!

– Какая я тебе «мама»? Что, на дом и богатство наше позарился? Тот первый, покойный зять хозяйственный был. Вон, какой дом построил. А ты без году неделя в селе, а уже мою дурочку охмурил… Тебе не стыдно, Лариска?

– Мама, хватит причитать! Лучше садись за стол, отпразднуй нашу маленькую радость. И какое у меня богатство: дом да старенький «Жигулёнок»?

– Полный дом! Всё в доме есть, баня, сарай с животными. Ты после смерти мужа совсем слетела с катушек, самогон стала пить, работу прогуливаешь. Вон, сколько бутылей на столе стоит. Это он тебя спаивает… Совсем сопьёшься и сдохнешь, а ему всё и останется, – не унималась причитать взволнованная мать.

– Прасковья Тимофеевна, давайте выпьем за счастье молодых! – произнёс кто-то из гостей.

– Я их поздравлять не буду и пить вашу вонючую самогонку тоже не буду! Нечего мне рюмку в руки совать, – злобно отвечала гостья, присаживаясь за стол.

– Тогда, может, наливочки малиновой? – предложила соседка невесты.

Рисунок Анастасии Мышевой

– И наливки мне не надо, у меня своя дома есть.

– Мама, ну, что ты опять скандалишь?

– Да, у тебя и в пятьдесят лет ума нет, так хоть мать послушай. Зачем тебе этот ловелас бесштанный нужен? Смех да и только! Твои дети с внуками приедут летом в гости, что они скажут? Со мной не посоветовалась и не сообщила о своём намерении, вышла замуж.

– Мама, успокойся! – сидя рядом со старушкой и гладя её морщинистую кисть руки, оправдывалась дочь. – Что мне с тобой советоваться? Я уже немолодая. А у детей свои семьи. Да и далеко они от нас живут. В доме, сарае всегда должен быть помощник – мужчина. Я одна устала возиться с животными, огородом. И вообще долгими вечерами мне одной выть на луну? Ты не захотела ко мне переезжать после смерти отца.

– А зачем мне к тебе переезжать? Мне и одной неплохо у себя в доме. И мне не скучно: две кошки живут. Вон, посмотри, твой муженёк одну за другой пожирает самогонку, пока ты со мной лясы точишь.

– Пусть пьёт, закуски много, сильно не опьянеет. А если пьяный будет, то я его голого в сугроб выкину из избы, быстро отрезвеет.

– Да, ты можешь, я не сомневаюсь. Сама, вон, какая: дородная и красивая, а он – сморчок и доходяга…

– Зато работящий!

– Конечно, работящий. За много лет, проведённых в тюрьме, соскучишься за работой…

– Мама, ты и это знаешь?

– Конечно, знаю. Я его, как первый раз увидела, так обо всём и догадалась. За что хоть отбывал далече?

– За убийство соседа…

– Батюшки! – опять запричитала старушка, не обращая внимания на сидящих и отмечающих торжество гостей.

– Да, всё в жизни случается, он не хотел убивать.

– Врёт он всё! Вон, глазки так и бегают. Дура, ты, дура, доченька, хоть и немолодая. А что на ваше мероприятие меня не позвали? И соседи какие-то скрытные, даже намёками мне не сообщили о твоей выходке.

– Мы всё в секрете держали, только вчера вечером сообщили соседям. А тебя не предупредили и не пригласили, потому что знали, что буянить будешь.

– Да, ладно. Что и в паспорте штамп поставили?

– Да, поставили.

– Ну, ладно, налей-ка мне наливочки и иди-ка, присядь рядом с новым мужем, – произнесла старушка, и слеза скатилась по её щеке. – Горько! – прошептала незваная гостья.

Тёща

Цикл «Одиночество немолодых людей»

– Гринька! Гринька, ты где? – заходя рано утром в покосившуюся от старости калитку, громко кричала семидесятишестилетняя Прасковья. – Олух Царя небесного – вот ты кто! Калитка скоро завалится. Некому тебя пинать и пилить. Хоть каждый день самой приходи и тычь пальцем… Уже май, а ты огород не засадил, – ещё громче ругалась старушка, прихрамывая, опираясь на палочку, медленно проходя между вскопанными грядками.

– Маманя, я тут, перегной таскаю. Специально занялся посадкой, – отвечал пятидесятидвухлетний худощавый мужчина. – С ночной смены пришёл и сразу в огород, как чувствовал, что вы с проверкой придёте.

«Вот нелёгкая принесла бывшую тёщу», – вертелось в седой голове зятя.

– Маманя, вы что в такую рань пришли? – идя навстречу старушке, оправдывался провинившийся.

– Так, вот, лето на носу, а ты ничего не делаешь в огороде. Чем будешь брюхо набивать зимой? Пришла помочь. Родня какая-никакая.

– Чем вы мне поможете? Это мне надо вас выручать. Хотел на выходных к вам заглянуть. Дома успею всё посадить, вырастить и урожай собрать. Пойдёмте лучше в избу.

– Пойдём, пойдём, посмотрю какая грязь у тебя там. Как не стало моей дочери, так всё хозяйство и запустил. Сколько ещё будешь один жить? Дом в хлев превратил, – заходя в избу, бубнила гостья. – Всю живность порезал, а ведь добро наживали вместе… Сколько пылищи в доме! Ты и полы не моешь, что ли?

– Давайте чай пить! – миролюбиво произнёс хозяин.

– Чай я и дома выпью. Лучше я тебе полы в доме помою, хоть чем-то помогу?

– Да, что вы такое, маманя, говорите? Я сейчас сам всё сделаю, – мужчина быстро принёс ведро с водой, тряпку, швабру и стал мыть…

– Мой, мой, а я посижу и проконтролирую, как ты чисто всё вымоешь.

– Давайте чай пить, потом я начну уборку. Сегодня и с огородом, и с уборкой закончу, – наливая в чашки кипяток, оправдывался мужчина.

– Да кто так наливает чай? Не чай, а помои, – старушка встала, вылила кипяток из чашек в ведро и сама начала разливать напиток. – Жениться тебе, Гринька, надо. Хоть и зять ты мне когда-то был. Но жизнь есть жизнь. Не справляешься ты один. Пока совсем в грязнулю не превратился, надо хозяйку в дом привести. Есть кто-нибудь на примете?

Рисунок Анастасии Мышевой

– Да нет, не думал об этом. Вдов много, но каждая хочет принца. А из меня какой принц? Работа не престижная, дворцов не нажил, лицом не вышел…

– Тогда мне надо этим заняться, найти тебе хозяйку в дом. Я тебя сосватаю, есть у меня на примете несколько работящих вдов. Для них ты и лицом выйдешь, и закрома у тебя будут полные. Да и сам ты тоже ничего, если в баньке с мылом вымыть, – засмеялась гостья.

– Да, не надо, я сам, – отвечал вдовец, попивая чай.

– Надо, надо… Хоть нормальную еду она будет готовить, тебя подгонять к работе. А-то вы, мужики, без женского наставления и не знаете, что делать, как правильно себя вести. Моя дочь всю жизнь тобой руководила, и жили вы в достатке. А теперь что? Посмотри на себя: волосюшки торчат, не бритый уж сколько дней! Давно к парикмахеру заглядывал? Одежда не глажена и не стирана. Что машинка зря простаивает?

– Хватит на меня наседать и ругать!

– Что, правда глаза колет? Сегодня же помойся и побрейся. Может быть, на днях приведу к тебе в гости будущую хозяйку. И не возражай! – громко прикрикнула старушка и топнула ногой. – Всё, мне домой пора! Помогла я тебе немного, пожурила. Теперь ты знаешь, что дальше делать. Завтра приду с проверкой!

– Приходите, я не против, – тихо ответил хозяин.

«Слава Богу! Ушла тёща, хоть бы завтра не явилась снова», – подумал мужчина, провожая гостью.

– И калитку сегодня почини! Я приду, проверю!

Александр Беспалый

Омск

Старый стал... И временами
Не угнаться мне за молодыми.
Окружён четырьмя стенами,
Зарос волосами седыми.

На улицу всё реже и реже.
Перестал мясо кушать.
Стал носить простую одежду,
Радио стал больше слушать.

В окно смотреть. Улыбаться.
Ворчать на компании с пивом.
На проблемы не огорчаться,
Всё равно ведь скоро в могилу.

Кота завёл. Васька.
По дому он такой важный ходит.
Осталась лишь половина кошелька,
На корм ему много уходит.

Дома сижу. Дачу забросил.
Недавно споткнулся и руку сломал.
Сосед у меня в долг опять деньги просит,
Денег не дал, он меня на х… й послал.

Сижу, плачу. Ноги отнялись.
До туалета сам не смог дойти.
Вспомнил, как надо мной соседи смеялись,
Когда я не смог к двери подойти.

Сердце слабеет. Вдох, уже трудно.
Молча смотрю в потолок...
На утро меня находят трупом,
Старый стал, сдох...

Рисунок Анастасии Мышевой

Литературный журнал любителей

Бульвар Зелёный

№8, август 2016 г.

Уважаемые авторы!
Журнал «Бульвар Зелёный» выполняет редакторскую
и корректорскую работы в помощь при издании книг, брошюр.
Также наша редакция выполняет рецензирование рукописей,
проводит тематические консультации с авторами.
Расценки – ниже существующих на рынке.

Приглашаем всех желающих в группу
журнала «Бульвар Зелёный» «ВКонтакте»:

http://vk.com/bulvarzelyonyiy

Перечислить взносы за публикацию или внести пожертвования можно:
Карта Сбербанка: **4276 8450 1357 1036**
Яндекс. Деньги (кошелёк): **410011031968346**
WebMoney (кошелёк): **R210189836212**
Или на почтовый адрес одного из членов редколлегии.

При отправке денежных средств не забывайте о процентах с комиссии!

Подписано в печать 05. 08. 2016.
Формат 29.7х42 1/4. Бумага ColorCopy.
Оперативный способ печати.
Усл. печ. л. 5.0. Тираж 200 экз.
Заказ № 10.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр КАН».
644122, г. Омск, ул. Красный Путь, 30.
Тел.: (3812)24-70-79; 8-904-585-98-84.
E-mail: pc_kan@mail.ru
Лицензия ПЛД № 58-47 от 21. 04. 97.